

творческие возможности. Но все же при большой спорности (порой и парадоксальности) некоторых гипотез Куриловича специалисты по индоевропейским (в частности, славянским) языкам найдут в этой работе много для себя полезного. Книга Е. Куриловича показывает, как много еще работы предстоит в области сравнительно-исторической акцентологии. В своих исследованиях, посвященных этой дисциплине, советские лингвисты используют и основательный труд Куриловича.

Вяч. Вс. Иванов

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР, ПО ДАННЫМ «КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»*

«Краткие сообщения Института востоковедения» издаются по мере накопления материалов. Отдельных публикаций по языкознанию в рецензируемых выпусках всего четыре, причем три из них помещены во II выпуске, а четвертая — в VIII. Рассмотрим эти статьи.

В отделе «Материалы и сообщения» выпуска II напечатана информация Д а м и н с у р э н а «О принципах новой монгольской орфографии» (стр. 31—37), которая дает представление о новой монгольской письменности (на основе русского алфавита) и о ее научных, отчасти и культурно-исторических предпосылках. К сожалению, автор иногда забывает, что он пишет не для монголов и не для монголистов, а для русских. Отсюда, например, нечеткость в изложении правил написания редуцированных гласных. Даваемая формулировка, может быть, и понятна для специалиста, но для человека, впервые знакомящегося с предметом, необходимы прежде всего указания, какое явление звуковой речи нормируется данным правилом орфографии. Так, в правилах 2, 3, 4 на стр. 34 читатель только из примеров и из приведенных автором ранее соображений по поводу редуции гласных может понять, идет ли речь о гласном, предшествующем согласному, или о гласном, следующем за ним.

В основе возражения автора Г. Д. Санжееву, утверждающему, что *е* в монгольском языке (в заимствованных словах) является лишь вариантом *б*, лежит интересное и важное наблюдение над тем, что из двух вариантов единой фонемы в современном языке стало преобладать именно *е*. Но в своем возражении автор не раскрывает взаимоотношения между фонемой и позиционным вариантом. Некоторый перевес одного из позиционных вариантов еще не делает последний отдельной фонемой, как полагает автор, говоря о самостоятельном, качественно новом значении звука *е* (стр. 35). Совершенно аналогично отношение между *б* и *г* в испанском, где, кстати, также представлены две графемы для одной фонемы, что, как и в монгольском языке, поддерживается иностранными словами.

Статья А. П. Р о г а ч е в а «Идиоматика китайского языка, отображенная в устойчивых словосочетаниях (чэн-юй)» (По материалам произведений Сун Ят-сена и Мао Цзэ-дуна) (вып. II, стр. 52—56) является авторефератом кандидатской диссертации. Возможно, что диссертация, одобренная Ученым советом института, имеет известное значение для китайистики, но автореферат ее автору явно не удался. Цели исследования, как их формулирует автор, заставляют вспомнить выражение «ломиться в открытую дверь», а исключительно интересные проблемы, действительно заслуживающие внимания, затрагиваются в автореферате лишь вскользь. Так, например, никто не станет возражать против положения, «что раздел об изучении чэн-юй в общем плане изучения китайского языка должен занимать не меньшее место, чем любой другой» (стр. 52), а между тем автор считает доказательство этого целью своего исследования. Нам кажется также, что не нужно было исследования и для того, чтобы «показать, что чэн-юй представляет собой существенную часть богатейшего словарного запаса китайского языка» (стр. 56). Ведь для этого достаточно было бы взять сборники китайских идиом и познаться с содержанием китайских словарей. Но А. П. Рогачев считает такой показ своей основной задачей. Автор пишет: «...в силу специфики китайского языка, объясняющейся в основном однословным составом корней и иероглифической письменностью, по сути дела почти весь словарный состав китайского языка, или во всяком случае большая часть его, вполне может рассматриваться как идиоматическое творчество» (стр. 53). Но в автореферате он показывает только, что значение сложных слов и словосочетаний совершенно не соответствует значению их компонентов (что видно и из словарей). Остается неясным, какую роль играет однословный корень и иероглифическая письменность в развитии идиоматики, как ставятся и разрешаются эти вопросы в диссертации.

*См. «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР]», выпуски I—IX, М., Изд-во АН СССР, 1951—1953.

Относя к чэн-юй почти весь словарный состав китайского языка, автор, естественно, хотел ограничить себя определенным кругом вопросов. Так, он отмечает в китайистике тенденцию к выделению преимущественно четырехсложных идиом. Но он не вскрывает причин этого выделения, и, следовательно, читатель не получает ответа на свой естественный вопрос: а законно ли, правильно ли, научно ли такое выделение?

А. П. Рогачев добросовестно перечисляет названия всех глав диссертации и дает их аннотации, но получить определенное представление о ценности самой диссертации из автореферата читатель не может. До некоторой степени это вызвано тем, что большая часть автореферата посвящена тому, что собственно выходит за рамки темы — характеристике словарного состава китайского языка.

Лучшей из лингвистических работ, помещенных в «Кратких сообщениях», является рецензия Н. А. Сыромятникова (вып. II, стр. 64—70) на «Краткий русско-японский словарь», составленный А. Е. Глушиной и С. Ф. Зарубиным (М., 1950). Эту рецензию охотно прочтет каждый языковед, особенно интересующийся лексикологией и лексикографией. Она дает ясное представление о том, каким достижением является указанный словарь по отношению к своим советским и зарубежным предшественникам, характеризует и оценивает его состав, стилистические пометы, переводы, транскрипцию, грамматический очерк.

Рецензент вносит и ценное рационализаторское предложение: если японские аффиксы пишутся слоговой азбуккой без всяких орфографических трудностей, то их написание следует оставлять лишь в транскрипции, ограничиваясь приведением из национальной графики только пероглифов, передающих основы или корни. Он показывает и на примере, как это выглядит (стр. 65). Дельны замечания рецензента по поводу размещения лексикализованных сочетаний (стр. 67). Очень ценны при всей своей краткости замечания по поводу взаимоотношения между русской практической транскрипцией, фонетической транскрипцией и японской государственной латиницей (стр. 68). Эти замечания имеют общее значение, и сущность их следовало бы усвоить работникам издательств, имеющим дело с текстами на иностранных языках в учебных пособиях, энциклопедиях, словарях и прочих изданиях.

Положительное впечатление производит рецензия Ю. А. Шоломова «Малайская лексикография» (вып. VIII, стр. 54—57). Автор делит малайские словари на три группы, исходя из того, на какой лексический материал они опираются: на лексику населения Британской Малайи, Индонезии или обеих этих крупнейших частей малайского языкового мира. Каждая из указанных групп представлена в рецензии одним словарем. Правда, эти словари имеют разное назначение: один имеет в виду потребности английской колониальной администрации, другой является толковым словарем для учащихся средних школ Индонезийской республики, а третий призван обслуживать вооруженные силы США в Индонезии и Малайе; автора прежде всего интересует, насколько полно и правильно они учитывают всю лексику. Словари, рецензируемые Ю. А. Шоломовым, оцениваются им еще с точки зрения даваемой фразеологии и идиоматики, а также грамматико-стилистических помет. Одно требование, хотя и очень интересное для лингвиста, едва ли, однако, с полным правом может быть предъявлено к любому словарю, это — требование, чтобы давалось указание, из какого языка заимствовано данное слово иностранного происхождения.

В двух словарях автор отмечает наличие правил об ударении, но, нисколько не характеризуя эти правила хотя бы с точки зрения их сложности, он ставит в вину всем трем словарям то, что они не обозначают места ударения. Но если правила эти несложны и даются, то вполне оправдано в целях удешевления книги отсутствие знаков ударения в словаре, предназначенном для коренных носителей языка.

Автор приходит к справедливому заключению о необходимости создать в ближайшее время полный малайско-русский словарь. К сожалению, редакция не делает никакого примечания о том, включена ли такая работа в план института или словарного издательства.

Критико-библиографический отдел «Кратких сообщений» питается, повидимому, случайным материалом. В нем не освещаются даже имеющие важное значение работы. Нет, например, рецензии на выпущенную в Москве переводную грамматику корейского языка¹. Не было рецензий и на книгу А. А. Драгунова², на учебник А. Ринчина³ и т. д.

В отделе «Хроника» вместо освещения повседневной жизни института помещаются отчеты о публичных дискуссиях и торжественных заседаниях. Институт пережил две реорганизации, но почему-то ни об одной из них по существу ничего не сказано.

¹ См. Г. Рамstedt, Грамматика корейского языка. Перевод с англ., М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951.

² См. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I — Части речи, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.

³ См. А. Р. Ринчинэ, Учебник монгольского языка, М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952.

Отсутствует информация о работе родственных учреждений по всему Советскому Союзу. Но и вообще этот отдел имеется не в каждом выпуске.

В «Кратких сообщениях» много опечаток, имеющих место не только при сложном наборе, но даже и в самых элементарных случаях. Дело доходит до того, что опечатки попадают в заглавие и, например, русско-японский словарь наших дней датируется одиннадцатым веком (вып. II, стр. 64). Иногда при исправлении одной опечатки делается новая: так, в статье Н. В. Пигулевской (вып. IV) на стр. 6, строка 23 снизу, исправляется распадение арабского слова на две части в одном месте, а при исправлении делается новая ошибка такого же рода. Кстати, в большинстве случаев арабский и греческий прифты в статье совершенно не оправданы существом дела и вполне могли быть заменены транскрипцией. Немало опечаток и ошибок в транскрипции имеется и в последнем (IX) выпуске.

Редакция «Кратких сообщений» считает допустимым ограничиваться переводом заглавия книги, напечатанной на иностранном языке, не давая оригинального заглавия ни в национальной графике, ни в транскрипции. Это делается и в ссылках и даже в рецензиях на иностранные книги. Так поступают монголисты П. П. Старицина и И. Г. Юрьев, китайцы Л. А. Сикирянская, арабист Д. И. Юсупов (см. статьи П. П. Старициной в вып. V и VI, автореферат Л. А. Сикирянской в вып. III, рецензия И. Г. Юрьева в вып. V, Д. И. Юсупова в вып. IV). Из рецензий Юрьева вообще нельзя понять, на каком языке написана книга, ведь в Улай-Батаре, который указывается как место ее издания, могла быть выпущена книга и на русском языке.

В вып. I рецензируемого издания помещен без подписи некролог И. Ю. Крачковского. Там есть ляпсус, вероятно, редакционный. «Крупнейшим открытием академика Крачковского,— читаем мы на стр. 69,— было открытие современной арабской литературы, о существовании которой до появления его работ в Европе не было известно». Вместо этого неверного утверждения нужно было сказать, что работы И. Ю. Крачковского ввели современную арабскую литературу в научный обиход России и Запада. Перечень трудов покойного академика с рецензиями и откликами на них имеется в книге: «Игнатию Юлианович Крачковский» [М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949 (Материалы к библиографии ученых СССР)]. Странно, что эта книга не упомянута в некрологе.

Впрочем упрек в отсутствии ссылок на библиографические указатели (поскольку полной библиографии в них не приводится), а также в том, что по большей части не указываются названия журналов, в которых помещены цитированные труды, надо предъявить всем библиографическим материалам, напечатанным в «Кратких сообщениях». Таковы отчеты о путешествиях Н. И. Конрада (вып. II), Е. Э. Бертельса и покойного А. П. Баранникова (вып. I), наконец, некролог А. П. Баранникова (вып. VII).

В «Кратких сообщениях» большая часть материалов касается истории и экономики (63%), во втором месте идет литературоведение (31%) и на последнем — лингвистика (6%). Эти цифры показывают, что или лингвисты института игнорируют свой журнал, или, наоборот, он игнорирует их. Казалось бы, что при ведущем положении историков в издании должны быть в почете те филологические приемы, которые особенно важны для истории. На деле оказывается, однако, что, например, автор информации «Новые архивные источники по истории Средней Азии» М. Ю. Юдашнев (вып. I, стр. 35—41), неоднократно ссылаясь на рукописи сочинений Баяни по истории Хорезма, не приводит ее подлинного заглавия, не указывает языка, на каком она написана, собрания, в котором она имеется, и шифра рукописи. Мы не считаем себя в праве возлагать всю вину за это упущение на автора: ведь его статью при ее издании должны были внимательно прочесть по крайней мере четверо лиц, имена которых помечены на второй и последней страницах выпуска.

Итак, сотрудничество между лингвистами-востоковедами и востоковедами других специальностей не оказало положительного влияния даже на филологический уровень «Кратких сообщений». В связи с этим возникает вопрос: как отражается это сотрудничество на организации дела изучения восточных языков? Место языковедения в советском востоковедении определяется перспективным планом работы института (см. статью «Перспективный план работы Института востоковедения Академии наук СССР в ближайшее пятилетие», вып. I, стр. 3—16).

Полуофициальным обоснованием этого плана является статья «Востоковедение», помещенная в томе 9 второго издания «Большой Советской Энциклопедии» (стр. 193—203), которая написана коллективом сотрудников института под редакцией И. С. Брагинского. Обсуждение плана и проверка проведения его в жизнь освещаются в отделе «Хроники». Этих материалов достаточно для предварительного ответа на поставленный вопрос. Полный ответ на него может дать только оценка всей работы института в области языковедения в сравнении с задачами, которые возникают в связи с потребностями жизни и развитием науки и которые и должны определять план.

Перспективный план исходит из постановления Президиума Академии наук СССР от 1 июля 1950 г., в котором было отмечено, что Институт востоковедения (в Ленинграде) и Тихоокеанский институт (в Москве) за последние годы не дали стране «...крупных научных трудов по актуальным вопросам востоковедения». Казалось бы, что эта

оценка должна толкнуть руководство Института востоковедения на всесторонний самокритический анализ прежней работы с учетом развития каждой из наук, входящих в круг востоковедных, со всей их спецификой, со всеми их достижениями и недостатками, и притом не только как составных частей востоковедения. Такого самокритического ретроспективного обзора нет ни в статье, посвященной плану, ни в названной статье «Востоковедение». Авторы статьи о плане говорят о коренной перестройке всей работы реорганизованного Института востоковедения, но совершенно умалчивают о принципах новой организации труда и недостатках прежней. Вместо всего этого в предисловии к перспективному плану находим одни лишь глаголы «углублять», «улучшать», «изучать», «основываться», «сосредоточить внимание» и т. п.

Исходя из столь же бесспорного, как и бесплодного, положения о том, что востоковедение является исторически сложившимся кругом научных дисциплин, авторы статьи о востоковедении в «Большой Советской Энциклопедии» не делают и попытки обосновать целесообразность такого объединения столь разнородных дисциплин на сегодня, считая это, повидимому, самоочевидным. Не разделяя подобного взгляда, мы не считаем, однако, уместным и своевременным оспаривать это мнение. Необходимо лишь отметить, что существующее разделение труда в области изучения восточных языков между Институтом языкознания и Институтом востоковедения ведет к дроблению научных коллективов, изучающих родственные языки.

Авторы статьи о перспективном плане ссылаются на труды И. В. Сталина по вопросам языкознания (см. вып. I, стр. 4). По мнению авторов, работы И. В. Сталина имеют для советского востоковедения важнейшее значение в деле разоблачения ошибок последователей Н. Я. Марра среди востоковедов, в деле внедрения марксизма в языкознание и в деле теоретического изучения восточных языков. Остановимся на разоблачении ошибок марровского характера. Нам кажется, что, вместо ожидания покаянных выступлений по всякому поводу на собраниях и в статьях, гораздо лучше было бы составить подробную рецензию той работы, которая содержит ошибки, и напечатать ее, предоставив возможность автору ответить в печати. При вдумчивом подборе рецензентов это очень оживило бы научную работу и создало бы атмосферу самокритики, стоящей на высоком уровне. Не спорим, что это хлопотливо и труднее, чем повторять на каждом собрании и в каждой резолюции, что такой-то не кается в своих ошибках, как будто в подобных повторениях заключается организация самокритики в науке.

Формулировка относительно «внедрения марксизма в языкознание и в теоретическое изучение восточных языков» явно ошибочна, потому что нет никаких научных оснований противопоставлять языкознание теоретическому изучению восточных языков.

Перспективный план намечает создание и опубликование ряда трудов по китайскому, монгольскому, японскому и турецкому языкам. Работа «Вопросы китайского языкознания» (см. вып. I, стр. 6) должна стать своеобразной энциклопедией китайского языкознания. В плане говорится об этой работе, что она должна содержать «освещение основных вопросов изучения китайского языка», историю формирования китайского языка и его современное состояние.

Чем же поможет китайцам в этом огромном деле сотрудничество с историками, литературоведами, экономистами? Не будет ли это сотрудничество фикцией и не гораздо ли полезнее было бы для китайцев сотрудничество других языковедов, хотя бы в такой скромной форме, как прочтение отдельных частей этого труда до печати и их обсуждение с авторами? Это же замечание следует отнести и к «Очеркам истории японского языка» (см. вып. I, стр. 7) и к статье «Монгольские языки и диалекты» (см. там же, стр. 6).

С удовлетворением отмечая, что план предусматривает составление грамматик корейского, вьетнамского, а также афганского языков, мы считаем, что в такой же мере нужна и грамматика малайского языка.

Нетерпимо дальнейшее отставание в области экспериментальной фонетики. Востоковедам особенно нужно заменить свои часто импрессионистские характеристики звуков и звуковых явлений (вроде «зычные», «попутные») характеристиками, основанными на физиологии звуков и других экспериментальных данных. Лаборатория по экспериментальной фонетике нужна всем лингвистам, и, конечно, ее легче создать при Институте языкознания [ср. предложение Н. А. Сыромятникова в отчете о заседании Ученого совета института (вып. IV, стр. 72)].

В сентябре 1951 г. на Ученом совете обсуждался вопрос о лингвистической работе в институте. «В принятом решении Ученый совет отметил недостаточное развертывание в институте работы в области лингвистики за истекший год и отсутствие в печати острой критики ошибок лингвистов, стоявших в прошлом на порочных марксистских позициях» (вып. IV, стр. 73). В отчете нет указаний на то, чтобы кто-нибудь из выступавших говорил о ненормальности такой организации научной работы, когда ряд родственных языков изучается в разных институтах. Указывалось, что необходима более тесная связь с Институтом языкознания, и даже нашли нужным ввести в состав Ученого совета Института востоковедения трех представителей Института языкознания. Но это более

похоже на перестраховку от возможной критики в будущем, чем на серьезное отношение к делу.

Ученый совет счел нужным провести ряд дискуссий и сессий с опубликованием отчета о них в изданиях института. Однако в вып. V и VI никаких сообщений о лингвистических дискуссиях не было. Уместно указать, что лингвистическим дискуссиям по докладам Г. Д. Санжеева в январе 1951 г., Н. И. Конрада в мае 1951 г., А. Н. Кононова в июне 1951 г. «Краткие сообщения» уделяли по несколько строк в «Хронике» (вып. I, стр. 64; вып. II, стр. 72; вып. III, стр. 66). Зато обсуждению книги Я. А. Певзнера «Монополистический капитал в Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны» в вып. III «Кратких сообщений» было посвящено 8 страниц (стр. 57—64). Следовательно, налицо еще и недооценка дирекцией института вопросов языкознания.

Нам представляется нецелесообразным, а в свете перестройки советского языкознания просто недопустимым раздробление между двумя институтами коллективов по изучению языков тюркских, иранских и монгольских. Если необходимо разделить изучение этих языков между двумя институтами, то надо, чтобы, например, коллектив тюркологов вошел целиком в состав Института языкознания, а коллектив иранистов — в состав Института востоковедения, и т. п.

Не нашло своего места в плане и изучение египетского языка, некогда представленного в нашей стране блестящими именами. Что касается современных африканских языков, преимущественно языка банту, то до войны работа по этим языкам велась. Теперь ими не занимаются ни Институт языкознания, ни Институт востоковедения. Известно, что языки, например, Армении и Грузии изучаются в академиях этих республик. Однако из этого никак не следует, во-первых, что является нормальным отсутствие систематической информации об этой работе, а во-вторых, что нет русских переводов важнейших и наиболее удачных работ по этим языкам. Может быть, в том, что нет таких переводов, равно как и элементарных научных пособий по этим языкам на русском языке, и виноваты отчасти грузинские и армянские языковеды, но большая доля вины падает и на Институт востоковедения, и на Институт языкознания. Каждый из этих институтов должен позаботиться о том, чтобы на русском языке были такие книги, и сделать соответствующие заявки в Совет по координации.

Подводя итоги обзора «Кратких сообщений Института востоковедения», мы можем сделать следующие выводы о положении языкознания в этом учреждении Академии наук СССР.

1. Лингвистическая работа в институте не только не перестроена в соответствии с указаниями И. В. Сталина о сравнительно-историческом языкознании, но ни из плана, ни из других материалов рецензируемого издания не видно даже, чтобы была осознана и необходимость такой перестройки. Единственным исключением является плановое исследование проф. Г. Д. Санжеева по сравнительной грамматике монгольских языков, уже вышедшее в свет. Одно из существенных похем в деле поворота к сравнительно-историческому языкознанию является неправильная организационная структура института.

2. Имеется целый ряд заброшенных участков, по которым ранее проводилась работа, иногда очень значительная. Это — семитские, африканские, индийские языки и древние языки Востока. Дело чести института возродить работу в этих областях.

3. Повидимому, не ведется работы над языками Юго-Восточной Азии, между тем как исследования, посвященные, например, малайским, бирманским, сиамским языкам, были бы весьма актуальны. Эту работу надо начать.

4. Разделение труда по изучению восточных языков между Институтом востоковедения и Институтом языкознания приводит к тому, что дробятся коллективы монголистов, тюркологов и иранистов. Оба института должны найти лучшее решение этого вопроса.

5. Вопросы организационной структуры, повидимому, не изучаются с должным вниманием всем коллективом института (в «Кратких сообщениях» им вовсе не уделяется внимания), вследствие чего за короткий срок Институт востоковедения переживает вторую реорганизацию, вновь не учитывающую выше отмеченных моментов. Надо серьезно продумать вопросы реорганизации института.

6. Вместо того, чтобы помогать академиям союзных республик и местным филиалам в деле изучения языков Советского Востока и руководить соответствующей работой в вузах Москвы и Ленинграда, Институт востоковедения оказывается изолированным как от тех, так и от других. Необходимо обеспечить соответствующую информацию в печати, рецензирование выходящих на местах работ, издание лучших из них, издание необходимых элементарно-научных пособий по основным восточным языкам, чтобы обеспечить их нормальное изучение в вузах. Большая роль в деле разрешения этих важных задач может принадлежать «Кратким сообщениям» или какому-нибудь другому академическому журналу, который будет выходить регулярно и в большом тираже.

В. П. Старинин